

САМООГОВОР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО¹

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов теории и практики уголовного судопроизводства – понятие, причины и правовая оценка самоговора как одного из видов показаний обвиняемого, анализируются различные суждения относительно правовых последствий самоговора. Автор придерживается позиции, что самоговор не влечет уголовной ответственности, за исключением случая, когда лицо, взяв на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного.

Ключевые слова: обвиняемый, самоговор, явка с повинной, оговор, уголовная ответственность.

I.V. Smolkova

SELF-INCRIMINATION AS A KIND OF THE TESTIMONY OF THE ACCUSED

The article discusses one of the controversial questions of the theory and practice of criminal proceedings — the concept, causes and legal assessment of self-incrimination as one of the types of evidence the accused, analyzes the various judgments on the legal consequences of self-incrimination. The author believes that the self-incrimination does not entail criminal responsibility, except when the person taking the blame, is serving a sentence for this perpetrator.

Keywords: defendant, self-incrimination, confession, slander, criminal liability.

¹ Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

Свидетельство подсудимого является небеспристрастным. Он может быть подвигнут теми или другими событиями своей жизни к тому, чтобы представить обстоятельства дела не в настоящем свете. Он имеет обыкновенно совершенно посторонние цели от тех, которыми задается суд. Он может стараться своим сознанием отстранить подозрение и, следовательно, наказание от других, близких ему лиц; он может, в великодушном порыве, принять на себя чужую вину.

А.Ф. Кони

Право обвиняемого давать по делу любые показания распространяется и на возможность для обвиняемого сообщать заведомо не соответствующие действительности сведения о своей виновности в совершении преступления. Иногда это приобретает характер самоговора, который не такое уж редкое явление в следственно-судебной практике. Самоговор может сыграть роковую роль в судьбе подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, тяжким бременем ложится на правосудие, ставя под сомнение законность и справедливость судебного решения.

Самоговор может быть добровольным и вынужденным, различие между ними состоит в том, что мотивы добровольного самоговора носят личностный, внутренний характер, причинами же вынужденного самоговора является внешнее воздействие на обвиняемого (например, применение к обвиняемому физического или психического насилия).

В реальной жизни причин самоговора великое множество. Л.Е. Владимирова по данному поводу в свое время писал: «История собственного признания в высокой степени любопытна в понимании того великого разнообразия, какое представляют мотивы человеческого поведения», называя в качестве таковых: религиозные, политические, социальные, самопожертвование из-за любви к ближним, к идее, месть, корыстные побуждения и т.д. [1, с. 289, 290].

С.И. Викторский в качестве обстоятельств, вызывающих самоговор, называл такие: «надежда избежать неволи или трудности военной службы, пресыщение жизнью, желание избавить виновного родственника или друга от кары правосудия, отчаяние вследствие сильных, по-видимому, неопровержимых доказательств преступле-

ния— все эти и многие другие побуждения нередко служат причинами признаний, ни на чем не основанными» [2, с. 290].

Оригинальные причины самоговора приводил М. Геринг, который считал, что обычно таковыми являются душевные болезни, такие, как меланхолия или другие душевные расстройства, главным образом, истерического характера, другие причины, по его мнению, очень редки: они наблюдаются из хвастливости; чтобы добиться какого-либо приюта; чтобы быть приговоренным к смерти, наконец, под давлением допрашивающего [3, с. 58].

М.А. Чельцов-Бебутов мотивы самоговора делил на альтруистические, жертвенные и эгоистические [4, с. 27–28, 29].

Анализ современной следственно-судебной практики показывает, что самоговор возможен по следующим мотивам: 1) желание уберечь от уголовной ответственности родных и близких, т.е. лиц, чьи интересы для обвиняемого оказываются выше, чем свои собственные; 2) стремление быть осужденным за преступление небольшой или средней тяжести с тем, чтобы избежать ответственности за действительно совершенное тяжкое преступление; 3) намерение выгородить соучастников, приняв их вину на себя, полагая, что мера наказания за совершение преступления одним лицом меньше, чем за совершение преступления группой лиц либо с целью получения материального или иного вознаграждения от соучастников; 4) желание показать себя бывалым, «матерым» преступником, (чаще всего, это свойственно несовершеннолетним правонарушителям); 5) желание попасть в место заключения, чтобы избавиться от алкоголизма, наркомании; 6) желание порвать с преступной средой и таким путем «завязать» с прошлым; 7) желание скорее попасть в место заключения, чтобы получить место проживания и питания (характерно для лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством); 8) страх перед строгим наказанием, которое может быть применено, если не последует признание и чистосердечное раскаяние; 9) ложное чувство товарищества; 10) желание скрыть обстоятельства своей частной жизни; 11) стремление сократить срок следствия и пребывания под стражей в расчете на то, что суд во всем разберется и оправдает невиновного; 12) желание заключить сделку с правосудием, чтобы получить меньшее наказание и т.д.

Причиной самоговора может быть и такая ситуация, когда собранные по делу доказательства создают впечатление виновности у обвиняемого, и он приходит к выводу, что ему лучше признать себя

виновным. В одних случаях обвиняемый приходит к такому выводу под влиянием следователя, убеждающего его в том, что он изобличен и его положение безвыходно, в других – под влиянием советов, данных ему близкими родственниками, в-третьих, – самостоятельно.

К сожалению, самооговору способствуют необъективность и предвзятость расследования, поспешное и поверхностное ведение дела, отказ следователя от проверки версий и обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, — все это постепенно подрывает веру обвиняемого (особенно, если он невиновен) в способность органов расследования правильно разобраться в деле, приводит его в состояние озлобленности, отчаяния, апатии, подавленности и бессилия.

Самооговор может быть вызван незаконными обещаниями следователя снизить меру наказания обвиняемому, если последний признается в совершении преступления и чистосердечно раскается. Известны случаи самооговора, вызванные стремлением ускорить затянувшееся расследование, когда обвиняемый утратил веру в возможность доказать свою правоту и хотел покончить с неопределенностью своего положения, уйти от нравственных и физических страданий.

Кроме того, самооговор может быть вызван внушением одному из соучастников мысли о том, что его роль в совершении преступления второстепенна, а признание поможет ему избежать суровой ответственности, поскольку судом будет учтена его помощь в раскрытии преступления и изобличении остальных соучастников. Слабовольные субъекты могут ложно признать себя виновными в совершении преступления.

По справедливому мнению С.А. Касаткиной, в тех случаях, когда обвиняемый осознанно и добровольно дает изобличающие себя показания, не соответствующие действительности, руководствуясь при этом своими внутренними побуждениями, обуславливающими именно такую позицию по делу, он по своей воле принимает на себя риски, связанные с возможным наступлением уголовной ответственности, при этом обвиняемый исходит из своих личных интересов, и в этом смысле вред его личности причиняется как бы с его собственного согласия [5, с. 110].

По поводу самой сущности самооговора в литературе высказано несколько точек зрения.

М.А. Чельцов-Бебутов называл самооговор «лжеоговором», делая акцент именно на его заведомой ложности [4, с. 49].

Одни авторы относят самооговор к заведомо ложным показаниям. Так, И.Л. Петрухин определял самооговор как «заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого перед органами государственной власти, в которых он признает себя виновным в совершении преступления, хотя в действительности его не совершал» [6, с. 11; 7, с. 63].

Аналогичной позиции в свое время придерживался Пленум Верховного Суда СССР, который в Постановлении от 23 декабря 1988 г. «О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Суда СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» определил самооговор как «заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, которого он в действительности не совершал» [8, с. 12].

Другие авторы считают самооговор одним из видов показаний, а именно: признанием вины. С точки зрения С.А. Касаткиной, самооговор есть добровольное ложное признание вины, при котором обвиняемый понимает и осознает, что сообщаемые им сведения не соответствуют действительности, но он по каким-то причинам, согласующимся с его личными интересами, желает введения правоохранительных органов в заблуждение относительно своей причастности и виновности в совершении преступления [5, с. 107].

Действительно, лицо, оговаривающее себя, делает признание в преступлении, которого он не совершал, но рассматривать самооговор как разновидность признания вины, вряд ли, правильно. Кроме того, слова «ложные показания» употребляются только в УК РФ применительно к уголовной ответственности потерпевших и свидетелей за заведомо ложные показания (ст. 307). Обвиняемый не является субъектом данного преступления, а потому давать заведомо ложные показания он не может, они могут быть не соответствующими объективной действительности, но не ложными. Исходя из принципа обеспечения обвиняемому права на защиту, следует признать, что обвиняемый имеет право сообщить сведения о своей виновности в совершении преступления, заведомо не соответствующие действительности.

Относительно юридической оценки самооговора в литературе также высказаны различные суждения. С точки зрения В. Фельдблю-

ма, самооговор лица, непричастного к совершению преступления, адресованный органам, компетентным возбуждать уголовные дела, но не в связи с производством расследования, должен рассматриваться как заведомо ложный донос. А добровольная дача ложных самообвиняющих показаний лицом, не причастным к преступлению, в совершении которого оно себя обвиняет, при производстве следственных или судебных действий, по его мнению, должна расцениваться как дача заведомо ложных показаний. Если же самооговор сделан при производстве следственных или судебных действий лицом, причастным к совершению преступления и при этом «принявшим на себя» вину соучастников преступления, к которому он лично не причастен, то, с точки зрения данного автора, оно вообще не подлежит уголовной ответственности [9, с. 19, 20; 10, с. 44, 45].

Ряд авторов полагает, что самооговор должен быть квалифицирован как укрывательство преступления, если он осуществлен с целью дать возможность виновному лицу избежать уголовной ответственности [11, с. 69; 7, с. 63].

Чаще всего такой самооговор совершается с целью спасти родственников (как правило, детей, супругов). Следует заметить, что укрывательство преступлений предполагает физические действия по укрывательству преступника, орудий, средств, следов и предметов преступления. Ложные самообвиняющие показания не являются физическими действиями и потому их нельзя квалифицировать как укрывательство. В настоящее время заранее не обещанное укрывательство влечет уголовную ответственность, только если оно направлено на укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ). Кроме того, в примечании к ст. 316 УК РФ установлено, что лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником.

С учетом изложенного естественно возникает вопрос: возможна ли вообще уголовная ответственность лица, оговаривающего самого себя? Конечно, нет. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос в случае самооговора исключена. Это положение распространяется как на преступление, которое было кем-то совершено на самом деле, так и на вымышленное преступление (когда события преступления вообще не было), так и на «мнимое преступление» (когда событие имело место, но оно не влечет уголовной ответственности).

Самооговор может быть выражен и в ложной явке с повинной. По мнению В. Фельдблюма, ложная явка с повинной должна квали-

фицироваться как заведомо ложный донос [9, с. 20]. С этим суждением согласиться нельзя, поскольку уголовно-наказуемый донос возможен только в отношении действий другого лица (при оговоре). Словарь В.И. Даля определяет донос как «довод на кого-то, не жалоба на себя, а объявление о каких-либо незаконных поступках другого» [12, с. 1163]. Кроме того, лицо, явившееся с повинной, не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, поскольку оно не несет уголовную ответственность за достоверность своих показаний.

Практический и научный интерес также представляет вопрос о действиях, близко примыкающих к самооговору: речь идет о случаях, когда лицо в результате того, что взяло на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного. В этом случае опасность действий лица, выдающего себя за настоящего преступника, достаточно велика, поскольку органы правосудия и органы, ведающие исполнением наказания, вводятся в заблуждение, а настоящий преступник уходит от ответственности и наказания. Думается, что такие действия следует рассматривать как укрывательство преступления. Однако уголовной ответственности в данном случае подлежит лишь лицо, которое не принимало никакого участия в совершении самого преступления, поскольку укрывательство своих собственных преступных действий ненаказуемо.

Резюмируя изложенное, необходимо заметить, что, несмотря на то, что самооговор обвиняемого крайне нежелательное явление в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, может привести к осуждению невиновного, тем не менее, уголовной ответственности он не влечет, за исключением случая, когда лицо, взяв на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного.

Список использованной литературы

1. Владимирова Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Ч. Общая и Особенная. СПб.: Изд-е кн. маг. «Законоведение», 1910. 391 с.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. 448 с.
3. Геринг М. Криминальная психология. М.: Типогр. Администр. отдела М.С. им. М.И. Рогова, 1923. 85 с.
4. Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1947. 52 с.

5. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М.: Проспект, 2010. 224 с.
6. Петрухин И.Л. Самооговор // Советская юстиция. 1970. № 13. С. 11–13.
7. Кузьмина С.С. Самооговор: правовые и процессуальные аспекты // Изв. вузов. Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64.
8. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 1. С. 10–14.
9. Фельдблюм В. Уголовно-правовые последствия самооговора // Советская юстиция. 1973. № 13. С. 19–20.4.
10. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1984. 192 с.
11. Косякова Н.С. Лжесвидетельство // Государство и право. 2001. № 4. С. 66–74.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. Т. 2. 2030 с.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida Vyacheslavna — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal National University, Lenin st. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: kupik@isea.ru.